

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

УДК 343

Шифр научной специальности 12.00.08

ФЕНОМЕН АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.В. Хилюта

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Аннотация. Рассмотрен вопрос о понимании административной преюдиции в уголовном праве. Исследованы онтологические проблемы административной преюдиции в доктрине уголовного права. Цель статьи – рациональное и критическое рассмотрение положений науки уголовного права применительно к вопросу о характеристике и правовой сущности административной преюдиции. Проанализированы аргументы «за» и «против» сохранения административной преюдиции в уголовном законе, рассмотрены сущностные характеристики данного понятия. Констатировано, что административную преюдицию сегодня рассматривают вне состава преступления, отождествляя ее со специфическим средством юридической техники, либо в рамках состава преступления, как элемент объективной стороны или субъекта преступления. Обосновано положение, что административная преюдиция – это признак специального субъекта преступления. Доказано, что при совершении повторного аналогичного правонарушения вести речь необходимо об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. В таком случае каждое последующее кратное правонарушение должно влечь наступление уголовной ответственности, потому как это правонарушение связано не с деянием, а с деятелем, совершающим противоправное деяние. Предложены меры по улучшению пропозиции административной преюдиции в уголовном законе. Методы исследования: формально-догматический, сравнительно-правовой, инструментальный анализ. Область применения: юриспруденция, правоприменительная практика, правотворчество, законотворчество.

Ключевые слова: преступление; правонарушение; административная преюдиция; общественная опасность; деяние; личность преступника

Вопрос об административной преюдиции в уголовном праве весьма непростой, если не сказать иначе, и в основном все сентенции по этому поводу сегодня состоят из двух диаметрально противоположных

позиций, которые заключаются в обосновании или опровержении института административной преюдиции в уголовном праве. Однако если исходить из формулы – «уровень науки определяется степенью разработанности ее фундаментальных понятий», то административная преюдиция в этом отношении – только «новичок».

Административная преюдиция в науке уголовного права рассматривается по-разному, существует несколько ее доктринальных определений, однако основные черты самого этого понятия можно свести к нескольким принципиальным моментам:

- 1) лицо, совершившее противоправное деяние, привлекается к административной ответственности в первый раз;
- 2) повторное совершение одного или более тождественных деяний (правонарушений) влечет наступление уже уголовной ответственности;
- 3) повторное совершение тождественного противоправного деяния происходит в определенный временной срок [1, с. 204].

Буквально это означает то, что состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения (совокупность двух и более административных правонарушений). То есть, если мы говорим о криминализации общественно опасного деяния, то базовым элементом для него выступает повторное административное правонарушение. Таким образом, административная преюдиция выступает неким «мостиком» между административным и уголовным правом, поскольку повторное (неоднократное) совершение проступка отождествляется в последующем с преступлением, в результате чего возникают уголовно-правовые отношения. Переход от административного к уголовному праву осуществляется на основании констатации второго факта совершения административного правонарушения, как общественно опасного, в результате чего и достигается определенная степень вредоносности деяния, свойственная преступлению. Однако главный вопрос здесь состоит именно в том, что считать основанием для привлечения лица к ответственности: его деяние или же самого субъекта, совершившего такое деяние (потому как в этом случае уже само лицо становится общественно опасным)?

Если вкратце, то все правовые раскладки по этому поводу сводятся к тому, что в уголовном праве в качестве преступления рассматривается только деяние человека, а его личность не может образовывать деяние как таковое. То есть личность не может выступать основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Личность деятеля учитывается только при назначении наказания, но никак не может пре-

допределять само деяние. Иначе, получается так, что уголовное право карает не сам поступок человека, а лицо, его учиняющее, то есть тогда за основу берется идея опасного состояния личности.

Поэтому, если резюмировать основные доводы *противников* административной преюдиции в уголовном праве, то они примерно сводятся к следующим постулатам:

- уголовно-правовая доктрина не содержит научно-обоснованной концепции, обосновывающей введение административной преюдиции в уголовный закон, в результате чего размываются границы между уголовным и административным правом и происходит отраслевая разсогласованность;

- административная преюдиция представляет собой искусственно созданную законодателем теоретическую конструкцию, основанную на повторяемости правонарушений, а не преступлений (первичное преступление не указывает на общественную опасность повторного);

- фактически административная преюдиция предопределяет правило нести двойную ответственность: лицо при совершении аналогичного правонарушения несет уголовную ответственность за первый административный проступок, вопреки существующему принципу *non bis in idem*;

- преступлением не может считаться общественно опасное деяние, не содержащее само по себе всех признаков состава преступления, независимо от того, сколько бы раз ранее лицо подвергалось мерам административной ответственности (повторное совершение административного проступка не превращает его в преступление ибо общественная опасность таких проступков остается неизменной);

- в настоящее время в доктрине уголовного права отсутствуют единые подходы к криминализации преступлений с административной преюдицией, в результате чего не удается решить вопрос о критериях определения характера и степени общественной опасности деяний с признаками административной преюдиции;

- между преступлением и проступком не количественное, а качественное отличие (основанием уголовной ответственности является совершение преступления, а не правонарушения), поэтому уголовная ответственность не может наступать за особое состояние личности, а должна – за общественно опасное деяние;

- преюдиция допускает возможность привлечения лица к уголовной ответственности на основании принципа объективного вменения, так как у лица отсутствует единый умысел на совершение преступле-

ния (такой умысел на совершение каждого правонарушения у лица возникает самостоятельно и не реализуется в отдельном правонарушении до конца);

– административная преюдиция, являясь «полупреступлением», изменяет основание уголовной ответственности, потому как таким становится не деяние, которое от повторения не меняет своего существования, а личность правонарушителя (в таком случае лицо подвержено объективному вменению);

– административная преюдиция направлена не на гуманизацию уголовного законодательства, а на его репрессивность (если лицо не исправляется, допуская повторное правонарушение, то нужно совершенствовать меры административного взыскания, а не трансформировать проступок в преступление);

– лицо может быть подвергнуто административному наказанию не только по постановлению суда (судебному акту), но и по постановлению должностного лица, в результате чего происходит переложение функций правосудия на внесудебные органы;

– административная преюдиция нивелирует принцип равенства перед уголовным законом, снижает уровень защиты прав и свобод человека и используется как уголовно-правовое средство, в основе которого лежит элемент целесообразности [2, с. 88-91; 3, с. 71; 4, с. 84-87; 5, с. 214-218].

Высказанные аргументы весьма убедительны и имеют солидную теоретическую подоплеку, поэтому доводов в поддержку административной преюдиции в уголовном праве не так много, но они есть. Позиция *сторонников* наличия административной преюдиции в основном сводится к рациональным основаниям борьбы с преступностью в конкретный исторический период времени, опыту законодательства зарубежных государств и необходимости экономии уголовно-правовой репрессии. При этом, главный довод в поддержку законодательного решения о наличии административной преюдиции в уголовном законе заключается все-таки в том, что повторное совершение лицом тождественного деяния повышает его опасность. Основные же теоретические положения примерно можно свести к следующим моментам:

– институт административной преюдиции является элементом не только криминализации, но и декриминализации общественно опасных деяний, позволяет более четко ограничивать преступление от правонарушения, выступать своеобразным средством дифференциации отраслевого законодательства;

– административная преюдиция повышает идею гуманизации проводимой уголовно-правовой политики, актуализирует и конкретизирует уголовно-правовой запрет, ограничивает репрессию только злостными случаями нарушения установленных правовых норм;

– административная преюдиция отражает межотраслевой характер преступления и сдерживает безграничное расширение сферы уголовно-правового принуждения (государство стремится снизить уровень уголовно-правового воздействия и перевести менее значимые деяния в разряд административных правонарушений, сохранив систему межотраслевого взаимодействия);

– первичная превенция проступков влечет за собой предупреждение совершения возможных преступлений в будущем;

– повторное совершение административного правонарушения свидетельствует о повышенной общественной опасности личности лица (при административной преюдиции происходит «накопление опасности»), его допустившего;

– административная преюдиция способствует реализации принципа экономии уголовной репрессии и является эффективным инструментом в деле предупреждения преступности, поскольку повышает профилактический потенциал уголовно-правовых и административно-деликтных предписаний [6, с. 38-40; 7, с. 186-189; 8, с. 21].

Здесь же можно сослаться на пресловутое постановление Конституционного суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина», в котором отмечается, что «совершение подвергнутым административному наказанию, то есть находящимся в состоянии административной наказанности, лицом однородного или, более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность за их совершение, к признакам квалифицированных составов административных правонарушений, а при необходимости – и к основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности».

В некотором роде позиции противников и сторонников административной преюдиции в уголовном праве можно сопоставить с вектором развития уголовного права. Иначе говоря, административная пре-

юдиция является в некоторой степени лакмусовой бумажкой, трансформирующая либо либеральную модель проводимой государством уголовно-правовой политики, либо, напротив, ее репрессивную составляющую, когда проступки могут превращаться в преступления. Тем не менее, есть и более принципиальный вопрос на сей счет. Что важнее для уголовного права и охраны общественного порядка: соблюдение формальных конструкций и отдельных теоретических построений (причем, далеко не бесспорных), сохранение «чистоты» уголовно-правовой сферы и автономного механизма регулирования общественных отношений либо эффективное предупреждение преступлений и пресечение потенциальной возможности их совершения на более ранней стадии?

Итак, если говорить об административной преюдиции с позиции выявления ее природы и обоснования местонахождения в уголовном праве, то в данном контексте принципиальное значение имеет вопрос определения ее юридической сущности. А именно представляет ли административная преюдиция сложное единичное преступление с признаками повторного деяния или же что-то другое, если акцент делается не на самом деянии, а на личности правонарушителя. И в данном случае вопрос уже должен ставиться о специальном субъекте и одном (едином) деянии, учиненным таким лицом.

Некоторые правоведы, наоборот, утверждают о том, что административная преюдиция имеет двойную природу, так как является признаком состава преступления и наряду с этим выступает своеобразным переходом от административной к уголовной ответственности. Однако если признавать административную преюдицию элементом состава преступления, то возникает вопрос: какого именно? С другой стороны, по справедливому замечанию Д.Ю. Фисенко, если составы преступлений с административной преюдицией являются «промежуточным звеном» между правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой [9, с. 165]. Соответственно, возникает вопрос об обосновании общественной опасности подобных деяний.

Положения **первого** подхода базируются на том, что административная преюдиция представляет собой разновидность сложного единичного преступления с повторными деяниями. Основанием для перевода правонарушения в преступление выступает множественность административных правонарушений. То есть такое преступление образует одно – повторное деяние с признаками административного правона-

рушения. При этом эти признаки являются аналогичными, тождественными или однородными по отношению к административному правонарушению. То есть по сути это означает, что административная преюдиция – это преступление со сложной объективной стороной, включающей несколько административных правонарушений [10, с. 83; 11, с. 133]. Такое преступление образуется именно за счет совершения в течение определенного промежутка времени нескольких тождественных или однородных деяний, каждое из которых в отдельности не является преступлением [12, с. 321].

По этой причине некоторые даже проводят аналогию административной преюдиции с институтом неоднократности в уголовном праве [13, с. 146]. Однако при таком подходе нет единства в понимании того, какой объем поведения составляет объективную сторону: все совершенные проступки или же только один – последний факт административного правонарушения при наличии у виновного лица специального правового статуса [14, с. 37-38].

Профессор Н.А. Лопашенко доказывает обратную ситуацию. Она полагает, что преступление с административной преюдицией не обладает признаками сложного единичного преступления и не может быть им признано [3, с. 68]. Такой взгляд основан на том, что при констатации того, что административная преюдиция есть условие наступления уголовной ответственности, мы не можем установить внутреннюю взаимосвязь между отдельными административными правонарушениями, у них отсутствует единый результат и единая вина. И если в основе преступления лежит деяние, которое обладает признаком общественной опасности, то в случае наличия административной преюдиции приходится говорить об опасном состоянии личности, что и выступает основанием криминализации [3, с. 68-69].

В принципе противники административной преюдиции весьма резонно обращают внимание на то, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, поэтому не может изменить и предмет правового регулирования. Сама повторность может определять общественную опасность самого деяния только в том случае, если она сама по себе образует объективную сторону состава преступления [15, с. 122]. А в таком случае она определяет степень общественной опасности деяния, а не субъекта [16, с. 11-12].

Но, с другой стороны, зададимся вопросом: а почему при установлении признаков административной преюдиции нужен общий резуль-

тат и единый умысел? Если отойти от фабулы, что административная преюдиция есть разновидность повторности единичного сложного деяния, то вполне очевидно, что это не продолжаемое преступление и оно не объединено единым умыслом и не направлено на общий преступный результат. Такого единого умысла не может быть у лица по определению, так как такое лицо его и не ставит перед собой и не стремится к реализации некоего общего плана (допустить несколько раз одно и то же административное правонарушение). В такой ситуации основной крен смещен в сторону лица, совершившего противоправное деяние (правонарушение). Именно личность выступает здесь конструктивным компонентом в установлении признаков административной преюдиции, а не характеристика его деяния.

На этом и основывается **второй** подход, который имеет принципиально иные постулаты относительно сути административной преюдиции, поскольку связан с субъектом преступления, а не с элементами объективной стороны состава преступления. В таком случае, конечно, вопрос состоит не столько в понимании административной преюдиции в уголовном праве, сколько в сущностном изменении подхода к самому понятию преступления. И связано это с тем, что общественная опасность преступления при наличии административной преюдиции обуславливается признаками субъекта преступления, его административной наказанностью.

А.И. Лукашов отмечает, что преюдиция – это обязательный признак, характеризующий субъекта преступления в качестве специального и указывающий на его нахождение в состоянии наказанности вследствие предшествующего применения к нему в течение года административного взыскания за такое же правонарушение [17, с. 58]. Таким образом, можно сказать, что существенным отличием составов преступлений с административной преюдицией является субъект – лицо, подвергнутое административному наказанию, именно в связи с тем, что совершившее повторное деяние такое лицо является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое деяние впервые [18, с. 104].

В ряде ситуаций административную преюдицию как основание для криминализации повторно совершенного деяния связывают с юридической характеристикой злостности, «определяющей наличие общественной опасности в личности субъекта повторного деяния» [19, с. 483]. Здесь злостность связывается исключительно с личностью виновного, а не с его деянием. Однако все же основная идея данного подхода состоит в том, что, соединяя в себе социальный и юридический критерии функ-

ционирования, административная преюдиция не относится в чистом виде к институту множественности преступлений, «а имеет, хотя и схожую, но собственную юридическую природу, основой которого выступает не столько деяние, сколько личность правонарушителя» [20, с. 73].

В правовой литературе все чаще за основу предлагают брать **третий** подход, рассматривающий административную преюдицию как прием юридической техники. В этом случае административная преюдиция представляет собой «включение в диспозицию правовой нормы данных о предыдущей административной наказанности лица, выступающих основанием для криминализации повторных деяний с признаками административных правонарушений, являющихся аналогичными, тождественными или однородными по отношению к предикатному административному правонарушению» [21, с. 9]. При таком подходе сущность административной преюдиции отождествляется с особым средством юридической техники, где имеет место тот же фактический состав преступления и все зависит от кратности совершения повторных деяний (административных правонарушений) в определенный временной период и наказуемости лица. Это практически и выступает «специфическим основанием уголовной ответственности» [22, с. 39-40]. Иначе говоря, речь идет о некой специальной конструкции в составе преступления, которая фиксирует преюдициальную связь между административным правонарушением и преступлением [23, с. 7].

По этому поводу Н.И. Пикуров заявляет, что административная преюдиция – это «особая форма взаимосвязи уголовного и административного права, которая представляет собой предусмотренный законом способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к деянию, представляющему собой завершающий элемент системы последовательно совершаемых сходных по своим объективным и субъективным признакам правонарушений, совершаемых одним и тем же наказанным в административном порядке лицом» [24, с. 235].

Тем не менее, такой подход, даже с учетом специфики средств юридической техники (или особой формы взаимосвязи), никоим образом не объясняет сущность административной преюдиции. Он только может указывать на функциональную связь между уголовным и административным правом и объяснять прерогативы технического перехода от правонарушения к преступлению. Но сама юридическая техника не может в этом отношении объяснить суть административной преюдиции и обосновать ее место в конструкции состава преступления, не говоря уже о «специфическом основании уголовной ответственности».

Особняком стоит позиция Г.А. Есакова относительно административной преюдиции. Ученый полагает, что административная преюдиция, наряду с рецидивом, предикатными преступлениями, судебными решениями, в связи с которыми возникает преступление, является «юридическим» признаком состава преступления. Данные «юридические признаки» включены законодателем в описание состава и составляют, с одной стороны, его неотъемлемую часть, а с другой стороны, не могут быть охарактеризованы ни как объективные, ни как субъективные, поскольку существуют в объективной действительности вне деяния и психики субъекта или связаны с нею наименьшим образом [25, с. 161]. Однако в большей части эти «юридические» признаки напоминают **условия** привлечения лица к уголовной ответственности, к которым можно также отнести возраст, вменяемость, требование потерпевшего по делам частного обвинения и др. Данные объективные условия находятся вне состава преступления, хотя при определенной скрупулезности их можно отнести к признакам субъекта преступления, предмета и т. д., однако определяют наказуемость деяния дополнительными обстоятельствами. Например, состав клеветы или оскорбления будет иметь место лишь при том условии, что потерпевший посчитает себя униженным (оскорбленным) и выразит это соответствующим процессуальным образом. Следовательно, если мы говорим о том, что административная преюдиция есть специфическое условие привлечения лица к уголовной ответственности, то должны это соответствующим образом обосновать. Пока же такой стройной аргументации не наблюдается.

Таким образом, административную преюдицию предлагается рассматривать, с одной стороны, вне состава преступления, отождествляя ее со специфическим средством юридической техники, а с другой стороны, в рамках состава преступления, но пока вопрос не решен, с какими признаками ее необходимо отождествлять: объективной стороны или субъекта преступления.

Очевидно, что когда идет речь об административной преюдиции, то она (преюдиция), в первую очередь, связана с общественной опасностью. Однако, если мы говорим об общественной опасности, то принимаем во внимание не только само деяние человека. Деяние напрямую связано с деятелем. Сегодня это простой аксиоматичный факт, и его нельзя отрицать. Сам деятель и определяет в ряде ситуаций уровень общественной опасности деяния, хотя согласимся, что и не всегда в полном объеме. Следовательно, общественная опасность оп-

ределяется не только сугубо совершенным деянием, но и тем, какой эффект может воспроизвести многократно повторяемое деяние в рамках запрещаемой модели поведения.

При этом речь не идет только о специальном субъекте преступления, когда уровень и степень общественной опасности преступления формулирует уголовно-правовой запрет. Поднимать же вопрос в таком случае о теории «опасного состояния личности» и «специальной защиты» не совсем корректно, поскольку никакого отношения эта ситуация к административной преюдиции не имеет. В качестве примера можно привести институт рецидива в уголовном праве, различные виды сложного единичного преступления – повторности, неоднократности, систематичности. Именно кратность совершаемых действий повышает уровень общественной опасности такого преступления. И здесь количество непременно превращается в качество, о чем и свидетельствует известный закон диалектики.

Однако если даже это не так, и стараться в некоторой степени не замечать «накопление» общественной опасности и ее трансформацию, то уж никак нельзя отрицать факт, указывающий на изменение лица, допустившего такой административный рецидив и вновь совершившего правонарушение. Поэтому контраргументом известной метафоры Н.Ф. Кузнецовой о том, что «сто кошек не может превратиться в тигра», может служить и иное выражение: «однако одновременный укус ста кошек будет гораздо опаснее одного укуса тигра». Иначе говоря, даже если количество не перерастает в качественно иное состояние, то административная преюдиция указывает на то, что, совершив неоднократно тождественные правонарушения, новое качество приобретает лицо, их допустившее.

Конечно, при повторном совершении одного и того же проступка – административного правонарушения, само деяние качественно не меняется, оно продолжает оставаться таковым, как и было. Однако если мы говорим об общественной опасности такого деяния, то должны говорить об общественно опасном состоянии лица, допустившего неоднократные (повторные) действия и игнорирующего меры административного воздействия на него. Если один и тот же человек неоднократно нарушает установленные запреты, разве не становится его поведение более опасным, а его отношение к обществу – более циничным и пренебрежительным?

Например, правоприменительная практика по уголовным делам за мелкое хищение свидетельствует о том, что более чем в 70 % случаев

лица, допускающие повторные административные правонарушения за мелкие хищения, ранее привлекались к уголовной ответственности или были судимы за преступления против собственности. Это обстоятельство свидетельствует не столько об общественной опасности совершенного деяния, сколько об опасности личности такого правонарушителя.

В данном случае, формулируя составы с признаками административной преюдиции, многое зависит от уровня вредоносности совершенного административного правонарушения. Понятно, что речь должна идти о наиболее опасных проступках, административные меры реагирования на которые уже не носят эффективного характера и не способны предупреждать совершение лицом новых противоправных действий. Если, например, лицо несколько раз в нетрезвом состоянии управляло автомобилем, то понятно, что меры административного характера не возымели никакого действия на такое лицо. Нужны в таком случае иные, более радикальные. Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь уже необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица, многократно его совершающего.

Многие исследователи утверждают, что теория общественной опасности личности недопустима при конструировании уголовно-правовых запретов. Однако это утверждение порождает закономерный вопрос: почему? Почему неоднократности и преюдиции нет места в уголовном законе?

На наш взгляд, такое положение дел обусловлено сугубо нормативистским пониманием сути и содержания преступления и его признаков. Тем не менее, если мы говорим об общественной опасности, то понятно, что чисто формальный подход к определению преступления не может оставаться всеобъемлющим и единственно правильным, потому как общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Укоренившийся в сознании исследователей еще с советских времен относительно административной преюдиции как разновидности повторности (а иногда и рецидива) не может решить задачи понимания общественной опасности сугубо в плоскости совершения деяния, оставляя без внимания лицо, которое всегда стоит за этим деянием.

В этой связи вызывает недоумение простое обстоятельство. Личность правонарушителя не может являться обстоятельством, с которым бы связывалось наступление уголовной ответственности, а вот обстоятельством, на основе которого бы происходила дифференциация уголовной ответственности (то есть выступать квалифицирующим признаком состава преступления), – может. Чем же обоснован такой довод? Если при дифференциации уголовной ответственности учитываются опасные свойства личности, то почему этот же подход нельзя применять при криминализации общественно опасных деяний? Законодатель все же в ряде ситуаций криминализирует деяние исходя из определенного состояния лица. Например, в статье 264 УК РФ таким основанием для криминализации общественно опасного деяния явилось состояние опьянения лица. При этом нельзя не заметить, что это признак характеризует личность, а не опасность самого деяния.

Переход от административного правонарушения к преступлению необходимо связывать не с преобразованием количества в качество, а с личностью виновного, то бишь субъекта преступления. Это лицо приобретает принципиально новое качество. При этом вовсе не стоит делать упор на характеристике личности и его позитивных или негативных чертах, как это зачастую происходит в уголовно-правовой литературе. Это не имеет никакого отношения к сути рассматриваемой проблемы. Важно совсем иное, так как при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются только те черты личности, которые определяют его противоправное поведение. Поэтому, как отмечает Т.В. Серкова, «личность преступника – это совокупность социально-значимых черт (свойств) и качеств лица, которые будут отражаться в субъективной причине совершенного лицом преступления» [13, с. 82-83].

Нельзя не заметить, что в данном контексте для уголовного права характерна иная тенденция, а именно постепенный уход от деяния к деятелю. И в сложившейся ситуации никак нельзя игнорировать признаки личности преступника и не учитывать их при криминализации общественно опасного поведения. Согласимся, что при такой постановке вопроса очень важно найти баланс между этими извечными постулатами «деяние – деятель». Однако если рассматривать административную преюдицию именно как средство раннего предупреждения возможности совершения преступлений, то здесь очевиден профилактический подход, и это средство применяется в первую очередь к лицу, совершающему деяние, так как деяние производно от деятеля.

Подобные случаи могут свидетельствовать лишь о нежелании таких лиц соблюдать установленные правила в демонстративном их пренебрежении. Иначе получается, что общественная опасность такого рода деяния и лиц, их совершивших, достигая определенной точки в момент констатации преступления (второй раз), затем вдруг падает (в третий раз) при совершении виновным лицом очередного тождественного административного правонарушения (притом, что еще в этом случае не истекли сроки судимости). Такой круг представляется порочным и сводит на нет весь предшествующий превентивный эффект уголовного закона. Представляется, что в этом случае мы должны говорить об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. И в таком случае каждое последующее кратное правонарушение должно влечь наступление уголовной ответственности.

Итак, предложения по улучшению пропозиции административной преюдиции в уголовном праве могут заключаться в реализации следующих мер: а) определение категорий преступлений, когда может быть допустима административная преюдиция (преступления, не представляющие большой общественной опасности, или преступления небольшой тяжести) и одновременное закрепление положения в административно-деликтном праве о возможности перехода только злостных административных правонарушений в разряд преступлений; б) законодательное закрепление срока (один год), в течение которого допустимо применение норм уголовного закона в случае первичного совершения лицом административного правонарушения и его повторного допущения; в) на законодательном уровне следует упорядочить описание признаков преступлений с административной преюдицией и юридическую технику конструирования уголовно-правовых норм сделать единообразной; г) правоприменителем следует точно установить и указать на однородное или одновидовое определение круга охватываемых ситуаций совершения предикатных правонарушений, при описании признаков административной преюдиции словосочетанием «*те же деяния*» (аналогичные деяния).

Список литературы

1. *Добров А.Н., Баранова С.А.* Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 202-208.
2. *Синельщиков Ю.П.* Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86-92.

3. *Лопашенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
4. *Сабитов Р.А.* Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 84-89.
5. *Тимошенко Ю.А.* Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией – преступление или административное правонарушение? // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 214-219.
6. *Капинус О.С.* Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. 2019. № 2. С. 36-45.
7. *Малков В.П.* Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 185-191.
8. *Незнамова З.А.* Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20-25.
9. *Фисенко Д.Ю.* Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы 22 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019. С. 164-167.
10. *Капинус О.С.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86.
11. *Сидоренко Э.Л.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125-133.
12. *Бабий Н.А.* Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
13. *Серкова Т.В.* Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 220 с.
14. *Пудовочкин Ю.Е.* Преступления с административной преюдицией: проблемы отграничения множественности преступлений от сложного единичного деяния // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4. С. 36-47.
15. *Кибальник А.Г.* Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119-125.
16. *Ковалев М.И.* Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 10-14.
17. *Лукашов А.* Уголовная ответственность за преступления с административной или дисциплинарной преюдицией // Юстиция Беларуси. 2007. № 8. С. 57-60.
18. *Макеева И.С., Обухова Т.В.* Особенности общественной опасности преступлений с административной преюдицией // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 96-102.
19. *Богданов А.В.* Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. № 4. С. 482-486.

20. *Мирошниченко Д.В.* Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4. С. 71-75.
21. *Богданов А.В.* Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 28 с.
22. *Маркунцов С.А.* О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 31-42.
23. *Грунтов И.О.* Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. 23 с.
24. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М., 2017. 470 с.
25. *Есаков Г.А.* «Юридические» признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 13 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 161-164.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Хилюта Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Для цитирования

Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

PHENOMENON OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING THE ESSENCE OF CRIME

Vadim V. Khiluta

Yanka Kupala State University of Grodno

22 Ozheshko St., Grodno 230023, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Abstract. We consider the issue of understanding the administrative prejudice in criminal law. We investigate the ontological problems of administrative prejudice in the doctrine of criminal law. The purpose of the work is a rational and critical consideration of the criminal law science provisions in relation to the question of the characteristics and legal essence of administrative prejudice. We analyze the arguments “for” and “against” the preservation of administrative prejudice in the criminal law, consider the essential characteristics of this concept. We state that administrative prejudice is now considered outside the corpus delicti, identifying it with a specific means of legal technique, or within the corpus delicti, as an element of the objective side or subject of the crime. We substantiate the position that administrative prejudice is a sign of a special subject of a crime. We prove that when committing a repeated similar offense, it is necessary to talk about the public danger of the subject who has committed multiple repetitions of the same offense. In this case, each subsequent multiple offense should entail the onset of criminal liability, because this right violation is not associated with the act, but with the figure committing the unlawful act. We propose measures to improve the proposition of administrative prejudice in the criminal law. Research methods: formal-dogmatic, comparative-legal, instrumental analysis. Scope of application: jurisprudence, law enforcement practice, law-making, legislation.

Keywords: crime; offense; administrative prejudice; public danger; act; identity of the offender

References

1. Dobrov A.N., Baranova S.A. Institut administrativnoy preyuditsii: ponyatiye, sushchnost', tekhnika [Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2, pp. 202-208. (In Russian).
2. Sinelshchikov Y.P. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Administrative prejudice in modern criminal proceedings: theory and practice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2020, no. 1, pp. 86-92. (In Russian).
3. Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! [Say no to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury*

- Rossiyskoy Federatsii – Herald of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation*, 2011, no. 3, pp. 64-71. (In Russian).
4. Sabitov R.A. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: za i protiv [Administrative prejudice in criminal law: for and against]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2019, no. 1, pp. 84-89. (In Russian).
 5. Timoshenko Y.A. Ugolovno-nakazyemoye deyaniye s administrativnoy preyuditsiyey – prestupleniye ili administrativnoye pravonarusheniye? [Criminal offense with administrative prejudice – a crime or an administrative offense?]. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 1, pp. 214-219. (In Russian).
 6. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: rossiyskiy i belorusskiy opyt [Administrative prejudice in criminal law: Russian and Belarusian experience]. *Predvaritel'noye rassledovaniye – Preliminary Investigation*, 2019, no. 2, pp. 36-45. (In Russian).
 7. Malkov V.P. Neodnokratnost' pravonarusheniya i administrativnaya preyuditsiya kak sredstva kriminalizatsii i dekriminalizatsii sodeyannogo v rossiyskom ugovnom prave [Repeated offenses and administrative prejudice as a means of criminalization and decriminalization of offenses in Russian criminal law]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Notes of Kazan Law Institute of Mia of Russia*, 2016, no. 2, pp. 185-191. (In Russian).
 8. Neznamova Z.A. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey v Ugolovnom kodekse RF: kollizii mezhotraslevogo regulirovaniya [Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka – Russian Law: Education, Practice, Research*, 2015, no. 6, pp. 20-25. (In Russian).
 9. Fisenko D.Y. Problemy pravovoy reglamentatsii instituta administrativnoy preyuditsii v deystvuyushchem ugovnom zakonodatel'stve [Problems of legal regulation of the institution of administrative precedence in the current criminal legislation]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings of 22 International Research and Practice Conference “Actual Problems of Combating Crime: Issues of Theory and Practice”]. Krasnoyarsk, 2019, pp. 164-167. (In Russian).
 10. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki [Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78-86. (In Russian).
 11. Sidorenko E.L. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy pravoprimeneniya [Administrative prejudice in criminal law: law enforcement problems]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2016, no. 6, pp. 125-133. (In Russian).
 12. Babiy N.A. *Ugolovnoye pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. Common Part.]. Minsk, SIMST BSU Publ., 2010, 663 p. (In Russian).
 13. Serkova T.V. *Neodnokratnoye prestupnoye povedeniye: teoretiko-prikladnoye issledovaniye: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Repeated Criminal Behavior: An Applied Theoretical Research. Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2016, 220 p. (In Russian).

14. Pudovochkin Y.E. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey: problemy otgrani-cheniya mnozhestvennosti prestupleniy ot slozhnogo edinichnogo deyaniya [Crime with administrative prejudice: issues of distinguishing the plurality of crimes from a complex single act]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 4, pp. 36-47. (In Russian).
15. Kibalnik A.G. Nedopustimost' administrativnoy preyuditsii v ugovnom zakonodatel'stve [Inadmissibility of administrative prejudice in criminal legislation]. *Biblioteka kriminalista [Forensic Library]*, 2013, no. 2, pp. 119-125. (In Russian).
16. Kovalev M.I. Prestupleniya i prostupok [Crime and misconduct]. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami [Problems of Improving Legislation to Strengthen Law and Order and Strengthen the Fight against Offenses]*. Sverdlovsk, 1982, pp. 10-14. (In Russian).
17. Lukashov A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya s administrativnoy ili disciplinarnoy preyuditsiyey [Criminal liability for crimes with administrative or disciplinary precedence]. *Yustitsiya Belarusi – Justice of Belarus*, 2007, no. 8, pp. 57-60. (In Russian).
18. Makeyeva I.S., Obukhova T.V. Osobennosti obshchestvennoy opasnosti prestupleniy s administrativnoy preyuditsiyey [Peculiarities of social danger of crimes with administrative prejudice]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 3, pp. 96-102. (In Russian).
19. Bogdanov A.V. Osobennosti sub'yekta prestupleniy, sodershashchikh administrativnuyu preyuditsiyu, v deystvuyushchem ugovnom zakone Rossii [Features of the subject of crimes containing an administrative prejudice in the current criminal law of Russia]. *Chelovek: prestupleniya i nakazaniye – Human: Crime and Punishment*, 2018, no. 4, pp. 482-486. (In Russian).
20. Miroshnichenko D.V. Ugolovnaya preyuditsiya i retsidiv prestupleniy [Criminal prejudice and recidivism]. *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2017, no. 4, pp. 71-75. (In Russian).
21. Bogdanov A.V. *Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]*. Moscow, 2019, 28 p. (In Russian).
22. Markuntsov S.A. O ponimaniy administrativnoy preyuditsii kak osobogo sredstva yuridicheskoy tekhniki i rasshireniy eye ispol'zovaniya v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [On the understanding of administrative prejudice as a special means of legal technique and the expansion of its use in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 4, pp. 31-42. (In Russian).
23. Gruntov I.O. *Ugolovno-pravovyye normy s administrativnoy preyuditsiyey: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal Law Norms with Administrative Prejudice. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]*. Minsk, 1985, 23 p. (In Russian).
24. Pudovochkina Y.E., Pikurova N.I. (eds). *Vzaimodeystviye ugovnogo i administrativno-deliktnogo prava [Interaction of Criminal and Administrative-Tort Law]*. Moscow, 2017, 470 p. (In Russian).
25. Esakov G.A. «Yuridicheskiye» priznaki sostava prestupleniya [“Legal” signs of corpus delicti]. *Materialy 13 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugolov-*

noye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke» [Proceedings of 13 International Research and Practice Conference “Criminal Law: Development Strategy for the 21st Century”]. Moscow, 2016, pp. 161-164. (In Russian).

Received 1 February 2021

Reviewed 27 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Vadim V. Khiluta – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

For citation

Khiluta V.V. Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya [Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 117-136. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136 (In Russian, Abstr. in Engl.)